

На правах рукописи

Папикян Андраник Паруйрович

**НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА,
ВЛЕКУЩИЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки
(юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Краснодар – 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования
«Кубанский государственный университет»

Научный руководитель: **Костенко Роман Валерьевич**
доктор юридических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Балакшин Виктор Степанович,**
доктор юридических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Уральский государственный
юридический университет
имени В.Ф. Яковлева»,
профессор кафедры судебной деятельности и
уголовного процесса имени П.М. Давыдова

Брянская Елена Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский
университет Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,
доцент кафедры уголовного процесса

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная
юридическая академия»

Защита состоится «17» декабря 2026 года в 13 часов 00 минут на заседании диссертационного совета 24.2.320.07 по юридическим наукам, созданного на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», по адресу: 350000, г. Краснодар, ул. Рашпилевская, 43, ауд. 11.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке и на официальном сайте ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (<https://www.kubsu.ru/>).

Автореферат разослан «__» октября 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 24.2.320.07,
кандидат юридических наук, доцент

Лукожев Хусен Манаевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Институт допустимости доказательств принадлежит к числу фундаментальных и одновременно наиболее проблемных институтов российского уголовного процесса. Его конституционная основа закреплена в ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, согласно которой при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Данное предписание задает императивный запрет на использование незаконно полученных доказательств, однако само по себе не отвечает на вопрос о том, какие именно нарушения уголовно-процессуального закона образуют основание для исключения доказательства из процесса доказывания. В действующем УПК РФ этот вопрос решается фрагментарно: ст. 75 УПК РФ содержит общую формулу недопустимости и отдельные специальные случаи, а конкретные требования к получению доказательств рассредоточены по различным институтам уголовно-процессуального регулирования. Поэтому актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью определить понятие, классификационные критерии и правовые последствия тех нарушений, которые влекут исключение недопустимых доказательств.

В теоретическом аспекте актуальность темы определяется тем, что категория «нарушение уголовно-процессуального закона» используется в уголовно-процессуальной науке и законодательстве в разных значениях. Нарушение закона может выступать основанием для признания доказательства недопустимым, отмены или изменения судебного решения, возвращения уголовного дела прокурору, дисциплинарной ответственности должностного лица, компенсации вреда или иных правовых последствий. Следовательно, для исследования института допустимости доказательств недостаточно общего указания на незаконность процессуального действия: необходимо выделить особую подкатегорию нарушений, правовое значение которых состоит именно в лишении доказательства юридической силы и его исключении из доказывания.

Самостоятельную теоретическую проблему образует отсутствие единого классификационного основания таких нарушений. В доктрине используются разные подходы: по характеру нарушенного права, по стадии уголовного процесса, по субъекту, допустившему нарушение, по степени «существенности» дефекта, по виду доказательства или способу его получения. Каждый из этих подходов имеет объяснительное значение, но не всегда позволяет последовательно связать нарушение с тем элементом доказательственной деятельности, в котором оно возникло.

Потребность в таком разграничении усиливается тем, что не всякое отступление от требований уголовно-процессуальной формы одинаково влияет на допустимость доказательства. Одни нарушения устраняют саму законную возможность формирования доказательства, поскольку связаны с ненадлежащим субъектом, непредусмотренным источником или недопустимым способом получения сведений. Другие затрагивают процедуру производства конкретного действия и требуют дополнительной оценки того, могут ли их последствия быть устранены без нарушения прав участников процесса и без искажения доказательственной информации. Поэтому

исследование нарушений, влекущих исключение доказательств, предполагает не только их описание, но и формулирование критериев, позволяющих определить юридические последствия каждого вида дефекта.

Законодательный аспект актуальности связан с несовершенством конструкции ст. 75 УПК РФ. Часть 1 данной нормы формулирует процедурное основание недопустимости: доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушением требований УПК РФ. Между тем ч. 2 ст. 75 УПК РФ объединяет неоднородные основания. Пункты 1, 2.1, 2.2, 2.3 и 3 связаны с нарушениями установленного законом порядка получения либо использования доказательственной информации, тогда как пункт 2 касается показаний потерпевшего и свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе либо не позволяющих установить источник осведомленности. В последнем случае дефект локализован не в процедуре допроса, а в содержательной, гносеологической характеристике показаний. Такое смешение процедурных и содержательных оснований недопустимости затрудняет определение самого предмета исследования и требует нормативного разграничения соответствующих ситуаций.

Кроме того, действующее законодательство не содержит правил, позволяющих различать последствия нарушений в зависимости от того, какой элемент доказательственной деятельности затронут. Норма ч. 1 ст. 75 УПК РФ сформулирована как единое правило, но судебная практика вынуждена дифференцировать последствия разных дефектов через оценочную категорию «существенности» нарушения. Такая категория используется в правоприменении, однако не раскрывает природу дефекта и не дает устойчивого алгоритма для решения вопроса о допустимости доказательства. Это обуславливает необходимость разработки более определенных критериев: структурной локализации нарушения и восполнимости либо невосполнимости его последствий.

Правоприменительный аспект актуальности проявляется в неоднородности судебной практики по вопросам допустимости доказательств. Анализ решений кассационных судов общей юрисдикции, Верховного Суда РФ и материалов обобщения адвокатской практики показывает, что сходные по внешним признакам нарушения нередко получают различную юридическую оценку. В одних случаях суды связывают нарушение с утратой доказательством юридической силы, в других считают его не влияющим на допустимость, ограничиваясь оценкой достоверности или относимости сведений. Такая вариативность объясняется не только особенностями конкретных дел, но и отсутствием нормативно и доктринально закрепленной модели, позволяющей последовательно соотносить тип нарушения с его правовыми последствиями.

Указанные теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы в совокупности предопределяют необходимость комплексного исследования нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств.

Степень разработанности темы исследования. Проблематика допустимости доказательств является одной из традиционно значимых для отечественной уголовно-процессуальной науки, однако отдельные аспекты данного института исследованы неодинаково.

Общая теория доказывания и доказательств, составляющая методологическую основу настоящего исследования, разработана в трудах

Е.А. Артамоновой, М.Т. Аширбековой, Е.В. Брянской, К.Б. Калиновского, В.А. Лазаревой, П.А. Лупинской, Н.С. Мановой, М.В. Слифиша, А.В. Смирнова, А.Е. Федюнина, О.В. Фирсова, Ю.В. Францифорова, С.А. Шейфера и других авторов. Вопросы собирания, проверки и оценки доказательств, а также процессуальной формы следственных действий исследовались А.М. Барановым, А.Б. Коноваловой, С.Б. Россинским, В.А. Семенцовым. Данные работы создали теоретическую основу для анализа допустимости доказательств, однако нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение доказательств, обычно рассматривались в них как часть более широкой проблематики доказывания.

Непосредственно институту допустимости доказательств посвящены работы В.С. Балакшина, В.Н. Исаенко, Н.М. Кипнис, Р.В. Костенко, Ф.М. Кудина, Н.В. Лантух, И.А. Левченко, П.А. Лупинской, С.А. Пяшина, и других исследователей. В науке разработаны правила допустимости доказательств, критерии оценки допустимости, вопросы абсолютной и относительной недопустимости, проблемы асимметрии правил допустимости для стороны обвинения и стороны защиты. Вместе с тем системная типология именно тех нарушений, которые влекут исключение доказательства из процесса доказывания, нуждается в дополнительной разработке.

Отдельные аспекты нарушений уголовно-процессуального закона и их последствий для допустимости доказательств затрагивались в работах И.С. Гададова, М.Э. Каац, В.И. Крупницкой, С.И. Кувычкова, Е.К. Лебедевой, Н.М. Перетятко, А.А. Петрикиной, Т.Р. Резниченко, А.В. Смирнова, В.В. Терехина, М.В. Трифионовой, А.Е. Федюнина, В.С. Шадрина, О.А. Шевченко. Вопросы существенного процессуального нарушения исследовались А.И. Григорьевым, М.А. Кунашевым и другими авторами; нарушения на отдельных стадиях уголовного судопроизводства анализировались П.А. Гусеновой, Д.В. Ильиным, А.С. Лотоцким, К.В. Макаровой, В.В. Сотковой; допустимость отдельных видов доказательств рассматривалась А.А. Ендольцевой, А.Р. Карповым, И.В. Литвиновой, А.В. Смолиным, К.А. Титовой.

Значительный вклад в разработку рассматриваемой проблематики внесли диссертационные исследования. Е.А. Маркина исследовала допустимость доказательств как гарантию правосудия и прав личности; Е.А. Брагин, А.В. Горбачев, Ю.А. Кожевникова, Е.В. Ларина и Э.А. Меринов анализировали основания, порядок и правовые последствия признания доказательств недопустимыми; В.В. Терехин рассмотрел допустимость доказательств в методологическом, правовом и этическом аспектах; С.А. Суценко провела сравнительно-правовое исследование недопустимости доказательств в российском и зарубежном уголовном процессе; А.И. Григорьев изучил существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание отмены или изменения приговора; М.С. Ремизова исследовала формирование допустимых доказательств в условиях состязательного уголовного процесса.

Вместе с тем анализ степени разработанности темы показывает, что в науке отсутствует специальное монографическое исследование, в котором нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, рассматривались бы как самостоятельный объект классификации:

с определением их понятия, разграничением от иных процессуальных нарушений, выделением общего классификационного критерия, разработкой типологий субъектных, источниковых, способных и процедурных дефектов, а также с проверкой полученных выводов на материалах сравнительного права, судебной практики и социологического исследования правоприменителей. Указанный пробел и предопределил выбор темы настоящей диссертации.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке научной концепции нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, включающей их понятие, классификационное основание, внутренние типологии и критерии правовых последствий, а также в подготовке предложений по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства и практики его применения.

Достижение поставленной цели обусловило необходимость решения следующих **задач**:

- сформулировать понятие нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, и разграничить их с иными процессуальными нарушениями, предусмотренными УПК РФ;
- выявить особенности нормативного регулирования института допустимости доказательств в российском уголовном процессе, включая соотношение процедурных и содержательных оснований недопустимости в ст. 75 УПК РФ;
- систематизировать доктринальные подходы к классификации нарушений уголовно-процессуального закона, оценить их объяснительный потенциал и обосновать структурный критерий классификации по элементам доказательственной деятельности;
- провести сравнительно-правовой анализ регулирования оснований недопустимости доказательств в правовых системах англосаксонской правовой семьи, континентальной системы и государств постсоветского пространства для проверки применимости предложенной классификационной модели и выявления нормативных решений, значимых для российского уголовного процесса;
- исследовать нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с субъектом получения доказательства, определить критерии надлежащего субъекта и разработать типологию субъектных дефектов;
- проанализировать нарушения, связанные с процессуальным видом доказательства, включая использование непроцессуальных источников доказательственной информации и деформацию предусмотренных УПК РФ источников;
- раскрыть содержание нарушений, связанных со способом получения доказательства, включая проблемы непредусмотренных законом способов, запрещенных методов, тактических приемов и научной обоснованности способов получения доказательственной информации;
- исследовать нарушения порядка производства следственных и иных процессуальных действий и обосновать критерий восполнимости либо невосполнимости их последствий для решения вопроса о допустимости доказательства;
- проанализировать судебную практику и результаты социологического исследования правоприменителей для проверки практической значимости

предложенной классификации и критериев правовых последствий процессуальных дефектов;

– разработать научно обоснованные предложения по внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство, направленные на устранение выявленных противоречий и повышение предсказуемости правоприменения.

Объектом исследования являются уголовно-процессуальные отношения, возникающие при получении, проверке, оценке и исключении доказательств в связи с нарушениями уголовно-процессуального закона.

Предметом исследования выступают нормы Конституции РФ и уголовно-процессуального законодательства РФ, регулирующие допустимость доказательств, требования к субъекту, процессуальному источнику, способу и порядку получения доказательственной информации, основания и процедуру признания доказательств недопустимыми; правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ; нормы уголовно-процессуального законодательства США, Германии, Франции и государств постсоветского пространства; научные подходы к понятию, классификации и правовым последствиям процессуальных нарушений; материалы судебной практики кассационных судов общей юрисдикции; аналитические материалы Федеральной палаты адвокатов РФ; результаты социологического исследования судей, прокуроров, следователей и адвокатов.

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический подход, позволивший рассмотреть допустимость доказательств как институт, находящийся на пересечении требований процессуальной формы, гарантий прав личности и задач установления обстоятельств уголовного дела. В рамках данного подхода исследовано противоречие между императивным запретом использования доказательств, полученных с нарушением закона, и необходимостью дифференцировать правовые последствия разных по природе процессуальных дефектов.

Для решения поставленных задач использована совокупность общенаучных и частно-научных методов.

Метод анализа и синтеза применялся при разграничении нарушений, влекущих недопустимость доказательств, с иными уголовно-процессуальными нарушениями, а также при формировании общего понятия исследуемой категории на основе выявленных признаков.

Формально-юридический метод использовался при толковании положений Конституции РФ, УПК РФ и иных федеральных законов, регулирующих получение и использование доказательств. С его помощью выявлено смешение процедурных и содержательных оснований недопустимости в ст. 75 УПК РФ и сформулированы предложения по совершенствованию соответствующих норм.

Системно-структурный метод применялся для установления связей между элементами доказательственной деятельности. Он позволил обосновать, что классификация нарушений должна строиться не по оценочному признаку «существенности», а по тому элементу доказательственной деятельности, в котором локализован дефект: субъект, процессуальный источник, способ или порядок получения доказательства.

Сравнительно-правовой метод использовался при сопоставлении российского регулирования с правовыми порядками англосаксонской правовой семьи, континентальной системы и государств постсоветского пространства (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Азербайджан, Армения, Грузия, Украина, Беларусь, Молдова). Данный метод применялся не для механического заимствования зарубежных моделей, а для проверки устойчивости выделенных элементов классификации и выявления решений, пригодных для учета в российском законодательстве.

Функциональный метод позволил определить значение нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств, в системе уголовно-процессуального регулирования: как средства защиты прав участников процесса, обеспечения законности доказывания, предупреждения недобросовестных способов получения сведений и фильтрации доказательственного материала.

Метод правового моделирования использовался при подготовке проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и при конструировании нормативной модели разграничения процедурных и содержательных оснований недопустимости доказательств.

Конкретно-социологический метод реализован посредством анкетирования практических работников по вопросам применения правил допустимости доказательств, классификации нарушений и оценки восполнимости процессуальных дефектов.

Статистический метод применялся при количественной обработке результатов анкетирования, сопоставлении ответов различных групп респондентов и оценке практической востребованности предложенных теоретических решений.

Комплексное применение указанных методов обеспечило согласованное исследование нормативного материала, доктринальных подходов, сравнительно-правовых данных, судебной практики и результатов социологического исследования.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили фундаментальные труды в области общей теории доказывания в уголовном процессе, исследования института допустимости доказательств, работы о процессуальной форме следственных действий, правовых последствиях уголовно-процессуальных нарушений, асимметрии правил допустимости доказательств, допустимости отдельных видов доказательств и сравнительно-правовом регулировании исключения доказательственного материала. В работе использованы научные положения отечественных и зарубежных авторов, указанных в библиографическом списке.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Федеральный закон «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», иные федеральные законы,

постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ. В целях сравнительно-правового анализа исследовались прецедентное право Верховного Суда США, *Strafprozessordnung*, *Code de procédure pénale*, а также уголовно-процессуальные кодексы Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Азербайджана, Армении, Грузии, Украины, Беларуси и Молдовы.

Эмпирическую базу диссертационного исследования составляют результаты анкетирования 250 респондентов – практических работников, осуществляющих профессиональную деятельность в сфере уголовного судопроизводства (58 судей, 72 следователя, 52 прокурора, 68 адвокатов), из 15 субъектов Российской Федерации; решения кассационных судов общей юрисдикции по вопросам допустимости доказательств за 2021-2025 годы; решения Верховного Суда РФ; обзоры судебной практики и аналитические материалы, подготовленные Федеральной палатой адвокатов РФ. Данные анкетирования используются как результаты социологического исследования, а судебные и аналитические материалы – как эмпирическая основа оценки правоприменительных подходов. В тексте и библиографическом списке диссертации использовано 69 судебных решений, отобранных из более широкого массива правоприменительных материалов по критерию связи с вопросами допустимости доказательств и типологии процессуальных нарушений.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств, рассмотрены как самостоятельная категория процессуальных дефектов, требующая собственного понятия, классификационного основания, внутренних типологий и критериев правовых последствий. Новизна исследования выражается в следующих результатах:

- сформулировано понятие нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, и проведено их разграничение с иными процессуальными нарушениями, предусмотренными УПК РФ;
- выявлено структурное противоречие ст. 75 УПК РФ, обусловленное соединением процедурных и содержательных оснований недопустимости доказательств, и предложен способ его законодательного устранения;
- обоснован структурный критерий классификации нарушений по элементам доказательственной деятельности: субъект, процессуальный источник (вид), способ и порядок получения доказательства;
- проведена сравнительно-правовая проверка применимости данной классификационной модели на материале правопорядков англосаксонской, континентальной и постсоветской правовых традиций;
- для каждого элемента классификации определены критерии надлежащего субъекта, надлежащего процессуального источника, надлежащего способа и надлежащего порядка получения доказательства, а также разработаны соответствующие типологии нарушений;
- обоснована концепция восполнимых и невосполнимых процессуальных дефектов как более определенный критерий оценки последствий нарушений порядка получения доказательств по сравнению с общей категорией «существенности»;

– подготовлен проект федерального закона о внесении изменений в УПК РФ, направленный на нормативное разграничение оснований недопустимости доказательств и повышение предсказуемости правоприменения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Нарушениями уголовно-процессуального закона, влекущими исключение недопустимых доказательств, следует считать такие отступления от требований УПК РФ, регламентирующих субъект, процессуальный источник, способ или порядок получения доказательственной информации, которые лишают полученное доказательство юридической силы и исключают возможность его использования для доказывания обстоятельств уголовного дела. Данная категория не совпадает со всеми уголовно-процессуальными нарушениями: в УПК РФ нарушение закона может иметь доказательственное, апелляционно-кассационное-надзорное, дисциплинарное, компенсационное, профилактическое и иное значение. Поэтому первым условием корректной оценки допустимости является определение того, относится ли выявленный дефект именно к процессу формирования доказательства и способен ли он повлиять на юридическую силу полученных сведений.

2. Статья 75 УПК РФ нуждается в нормативном уточнении, поскольку в ее действующей редакции процедурные основания недопустимости соединены с содержательным основанием. Часть 1 ст. 75 УПК РФ исходит из того, что недопустимость доказательства обусловлена нарушением требований УПК РФ при его получении. Однако пункт 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ касается показаний потерпевшего и свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе или не позволяющих установить источник осведомленности, то есть описывает дефект содержания показаний, а не нарушение процедуры допроса. Устранение этого противоречия возможно путем исключения указанного положения из ст. 75 УПК РФ и перенесения соответствующих требований к показаниям потерпевшего и свидетеля в нормы, регламентирующие данные виды доказательств.

3. Основным критерием классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств, является элемент доказательственной деятельности, в котором локализован дефект. По этому критерию выделяются четыре группы нарушений: нарушения требований к субъекту получения доказательства; нарушения требований к процессуальному источнику (виду) доказательства; нарушения требований к способу получения доказательства; нарушения порядка производства следственных и иных процессуальных действий. Такая классификация позволяет сначала установить природу дефекта, а затем определить его правовые последствия; она не подменяет дополнительные критерии оценки, но устраняет смешение разных по юридической природе нарушений в общей категории «существенности».

4. Сравнительно-правовой анализ правопорядков США, Германии, Франции и государств постсоветского пространства подтверждает сравнительно-правовую устойчивость выделенных элементов классификации. В разных правовых системах требования к субъекту, источнику, способу и процедуре получения доказательств формализованы неодинаково и влекут различные последствия, однако сама необходимость правовой оценки

указанных элементов прослеживается во всех исследованных моделях. Для российского уголовного процесса особое значение имеют зарубежные подходы к научной надежности способов получения доказательств и к разграничению устранимых и неустранимых процессуальных дефектов.

5. Надлежащий субъект получения доказательства определяется совокупностью взаимосвязанных критериев: наличием процессуального статуса, допускающего участие в собирании доказательств; надлежащей процессуальной связью с конкретным уголовным делом, выраженной в полномочии, поручении, процессуальном допуске либо ином предусмотренном УПК РФ основании участия; отсутствием обстоятельств, исключающих участие субъекта в деле; правомочностью на совершение конкретного следственного или иного процессуального действия. Нарушение каждого из этих критериев образует самостоятельный тип субъектного дефекта. Юридическое значение такого дефекта определяется тем, устраняет ли он законную компетенцию субъекта либо гарантии его процессуальной нейтральности и тем самым лишает полученные сведения надлежащего процессуального происхождения.

6. Надлежащий процессуальный источник (вид) доказательства предполагает, что сведения облечены в одну из форм, предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ, соответствуют процессуальному режиму данного источника и позволяют проверить происхождение доказательственной информации. Нарушения требований к процессуальному источнику выражаются в использовании непроцессуальных источников сведений либо в деформации предусмотренного законом источника, когда внешняя форма доказательства не соответствует его правовой природе. Такие нарушения имеют самостоятельное значение для допустимости, поскольку затрагивают не достоверность выводов суда, а законный канал введения сведений в уголовное судопроизводство.

7. Надлежащий способ получения доказательства характеризуется предусмотренностью законом, применимостью к соответствующему процессуальному источнику, отсутствием запрета на используемый метод и соблюдением функциональных пределов избранного процессуального действия. Нарушения, связанные со способом получения доказательства, включают использование непредусмотренных законом способов, применение запрещенных методов, подмену одного процессуального действия другим, а также использование способа, не пригодного для формирования соответствующего вида доказательства. Не всякая тактическая ошибка сама по себе образует основание для признания доказательства недопустимым. Для решения вопроса о допустимости значение имеет не сама неточность в выборе или реализации тактического приема, а ее процессуальное последствие. Основанием для исключения доказательства должен признаваться такой дефект, при котором получение сведений фактически выходит за пределы предусмотренного УПК РФ способа доказывания либо сопровождается нарушением гарантий, обеспечивающих права участников соответствующего процессуального действия.

8. Нарушения порядка получения доказательств неоднородны по своим правовым последствиям. При их оценке необходимо учитывать, может ли допущенный дефект быть восполнен без ограничения прав участников и без изменения содержания уже полученных сведений. Невосполнимый характер, как правило, имеют нарушения, связанные с отсутствием надлежащих

оснований или условий производства действия, неучастием обязательных лиц, лишением участника предусмотренных законом прав, а также отступлением от обязательной последовательности значимых процессуальных операций. В таких случаях последующее оформление не устраняет сомнений в законности действия и достоверности полученной информации. Иной оценки требуют недостатки оформления или фиксации, если они не препятствуют проверке хода и результатов процессуального действия и могут быть устранены дополнительными процессуальными средствами. Такой подход позволяет заменить отвлеченную оценку «существенности» более проверяемым вопросом: сохранилась ли возможность установить законность действия, источник сведений и неизменность доказательственной информации.

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что сформулированные в нем положения развивают учение о допустимости доказательств и правовых последствиях уголовно-процессуальных нарушений.

Определение нарушений, влекущих исключение недопустимых доказательств, и их разграничение с иными процессуальными дефектами уточняют границы института допустимости доказательств. Это позволяет избежать отождествления всех нарушений УПК РФ с основаниями недопустимости и одновременно не сводить вопрос к неформализованной оценке «существенности» нарушения.

Выявление противоречия в конструкции ст. 75 УПК РФ углубляет теоретическое представление о соотношении процессуальной формы и содержания доказательственной информации. В результате обосновывается необходимость отдельного регулирования процедурных дефектов получения доказательства и содержательных дефектов отдельных источников сведений.

Разработанная четырехэлементная классификация нарушений по структуре доказательственной деятельности вносит вклад в систематизацию оснований недопустимости доказательств. Её значение состоит в том, что она позволяет локализовать дефект, определить его связь с конкретным требованием УПК РФ и затем перейти к вопросу о последствиях нарушения.

Сравнительно-правовая проверка предложенной модели дополняет теорию сравнительного уголовного процесса выводом о том, что требования к субъекту, источнику, способу и процедуре получения доказательств по-разному оформляются в национальных правовых порядках, но сохраняют значение для оценки допустимости доказательственной информации.

Выделение требований к надлежащему субъекту, процессуальному источнику, способу и порядку получения доказательственной информации позволяет точнее раскрыть содержание процессуальной формы доказательства. В таком подходе процессуальная форма рассматривается не как единое абстрактное условие допустимости, а как совокупность взаимосвязанных элементов, каждый из которых имеет собственные типичные нарушения и самостоятельное значение для оценки доказательства.

Разграничение восполнимых и невосполнимых дефектов порядка производства следственных и иных процессуальных действий уточняет вопрос о правовых последствиях нарушения процессуальной формы. Оно позволяет отказаться от автоматического признания любого отступления

основанием для исключения доказательства и поставить более конкретный вопрос: сохраняется ли возможность проверить законность действия, его ход, результаты и неизменность полученных сведений.

Совокупность полученных результатов может использоваться в дальнейших исследованиях допустимости электронных доказательственных сведений, процессуальных последствий нарушений в отдельных формах уголовного судопроизводства, а также механизма исключения недопустимых доказательств на различных стадиях уголовного процесса.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется возможностью использования его результатов в законотворческой деятельности, правоприменительной практике и образовательном процессе.

В сфере законотворчества практическое значение имеет разработанный проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». Предлагаемые изменения направлены на устранение смещения процедурных и содержательных оснований недопустимости доказательств, уточнение требований к отдельным видам доказательств и повышение предсказуемости применения ст. 75 УПК РФ.

В правоприменительной деятельности предложенная классификация может использоваться судьями, прокурорами, следователями, дознавателями и адвокатами как последовательный алгоритм оценки допустимости доказательства: установить затронутый элемент доказательственной деятельности, определить конкретный критерий надлежащего получения доказательства, квалифицировать тип дефекта и оценить возможность устранения его последствий. Такой алгоритм позволяет проверять допустимость доказательства не интуитивно и не казуистически, а через систему юридически значимых вопросов.

Результаты социологического исследования и обобщения судебной практики могут быть использованы при подготовке обзоров судебной практики, методических рекомендаций для органов предварительного расследования, прокуратуры, адвокатуры и суда, а также при обсуждении единообразных подходов к оценке допустимости доказательств.

В образовательном процессе материалы диссертации могут применяться при преподавании дисциплин «Уголовный процесс», «Доказывание и доказательства в уголовном судопроизводстве», «Проблемы теории доказательств», а также в системе повышения квалификации судей, прокуроров, следователей и адвокатов.

Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается согласованностью цели, задач, методологии, нормативной и эмпирической базы исследования.

Методологическая обоснованность результатов подтверждается применением методов, соответствующих поставленным задачам: формально-юридического анализа для исследования норм УПК РФ, системно-структурного метода для построения классификации, сравнительно-правового метода для проверки ее применимости в разных правовых порядках, социологического и статистического методов для обработки данных анкетирования.

Нормативная и теоретическая обоснованность выводов обеспечивается опорой на действующие источники российского и зарубежного права, правовые позиции высших судебных органов, а также на труды отечественных и зарубежных исследователей института допустимости доказательств и процессуальных нарушений.

Эмпирическая обоснованность результатов подтверждается использованием судебной практики кассационных судов общей юрисдикции, решений Верховного Суда РФ, аналитических материалов Федеральной палаты адвокатов РФ и результатов анкетирования практических работников из 15 субъектов Российской Федерации. Общая характеристика респондентов и сводные результаты анкетирования представлены в приложениях к диссертации.

Сопоставление нормативного материала, доктринальных подходов, сравнительно-правовых данных, судебной практики и результатов социологического исследования позволяет проверить выводы диссертации с разных исследовательских позиций и снижает риск их зависимости от одного вида источников.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на заседаниях кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета, докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях, отражены в 12 опубликованных научных работах, из которых 8 опубликованы в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Российской Федерации. Результаты исследования внедрены в практическую деятельность правоприменительных органов и в учебный процесс образовательной организации, что подтверждается соответствующими актами.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой исследования. Работа состоит из введения, двух глав, объединяющих семь параграфов, заключения, библиографического списка использованных источников и трех приложений. В приложениях представлены проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», анкета для опроса правоприменителей, а также сводные результаты анкетирования практических работников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень её научной разработанности, формулируются цель и задачи, определяются объект, предмет, методология и методы исследования, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы, раскрываются научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются положения, выносимые на защиту, приводятся сведения о достоверности и апробации результатов, описывается структура работы.

Первая глава «Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств: теоретические и

компаративистские основы» объединяет три параграфа и образует теоретико-методологический и сравнительно-правовой фундамент исследования.

В первом параграфе **«Сущность и значение нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств»** раскрывается природа исследуемой категории процессуальных дефектов. Нормативным основанием анализа выступает ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, конкретизированная в ч. 3 ст. 7 и ст. 75 УПК РФ. Указанные предписания связывают нарушение закона при получении доказательства с утратой им юридической силы, однако не определяют, какие именно отступления от требований УПК РФ образуют такое основание.

Посредством формально-юридического метода установлено, что термин «нарушение» используется законодателем в восьми самостоятельных нормативных контекстах: доказательственном; апелляционно-кассационно-надзорном; дисциплинарно-обеспечительном; правозащитном; компенсационном; надзорно-ведомственном; процедурно-возвратном и профилактическом. Каждый контекст порождает собственные правовые последствия, вследствие чего категория «нарушение уголовно-процессуального закона» не является унифицированной. Из этого следует методологический вывод: нарушения, влекущие исключение доказательств, образуют специальную подкатегорию процессуальных дефектов, обособленную не по степени значимости, а по характеру правового последствия – лишению доказательства юридической силы.

Сущность рассматриваемых нарушений раскрывается через пять взаимосвязанных измерений. Формально-нормативное измерение фиксирует несоблюдение императивных предписаний УПК РФ к процедуре получения доказательств; при этом ст. 75 УПК РФ не содержит оговорок о вине должностного лица, что отражает объективный характер процессуального дефекта. Структурно-элементное измерение описывает внутреннее строение нарушения – объект, объективную сторону, субъект и юридический результат. Функционально-целевое измерение раскрывает охранительную, превентивную, компенсационно-восстановительную и легитимационную функции института. Процессуально-правовое измерение охватывает механизм реализации последствий, включая правило распределения бремени доказывания по ч. 4 ст. 235 УПК РФ и порядок признания доказательств недопустимыми (ч. 3 ст. 88, ст. ст. 234, 235 УПК РФ). Пятое измерение – дифференциация правовых последствий процессуального дефекта – обнаруживает неопределённость оценочной категории «существенности» нарушения.

Самостоятельным результатом параграфа является выявление структурного противоречия ст. 75 УПК РФ. Часть 1 данной статьи формулирует процедурное основание недопустимости, пункты 1, 2.1, 2.2, 2.3 и 3 ч. 2 конкретизируют его применительно к отдельным ситуациям нарушения порядка получения либо использования доказательственной информации. Однако п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, относящий к недопустимым показания потерпевшего и свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе либо не позволяющие установить источник осведомлённости, описывает дефект содержания показаний, а не нарушение процедуры допроса. Допрос при этом может быть произведён с безукоризненным соблюдением

требований УПК РФ. Соединение в одной норме процедурного и содержательного оснований недопустимости затрудняет определение самого предмета института допустимости и требует законодательного разграничения.

Значение исследуемых нарушений раскрывается по семи направлениям: они выступают процессуальной гарантией прав личности; выполняют системообразующую функцию, разграничивая юридически пригодную и непригодную информацию; оказывают превентивное воздействие на должностных лиц; осуществляют фильтрацию доказательственного материала; формируют правоприменительные ориентиры; обеспечивают гарантийную реакцию на незаконный способ получения сведений; имеют ценностное измерение, исключая достижение результата доказывания любой ценой.

Во втором параграфе **«Классификация нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств»** обосновывается классификационное основание систематизации исследуемых дефектов. Необходимость классификации обусловлена тем, что УПК РФ не содержит исчерпывающего перечня таких нарушений, а требования к доказательственной деятельности рассредоточены по различным главам Кодекса.

Систематизированы доктринальные подходы к классификации. Рассмотрена концепция правил допустимости доказательств Р.В. Костенко, выделяющая правила надлежащего субъекта, надлежащего процессуального источника, надлежащего способа собирания и надлежащего порядка производства процессуальных действий; проанализированы уточняющие её позиции С.А. Пяшина и Н.В. Лантух, алгоритм оценки допустимости В.С. Балакшина, многоуровневая модель оснований недопустимости В.В. Терехина, правозащитный критерий Е.А. Маркиной, стадийный подход Ю.А. Кожевниковой, сравнительно-правовые выводы С.А. Сущенко и положения М.С. Ремизовой о состязательном режиме формирования допустимых доказательств.

Последовательно оценены четыре теоретически возможных основания классификации. Стадийный критерий указывает на процессуальный контекст дефекта, но не раскрывает его природу: содержание нарушения права на защиту при допросе не изменяется в зависимости от того, получены показания в досудебном или судебном производстве. Критерий «существенности» характеризует последствия нарушения, однако остаётся оценочным: в доктрине сосуществуют формальный, целевой и каузальный подходы к его определению, а анализ практики кассационных судов общей юрисдикции обнаруживает семь групп нарушений, оцениваемых судами неединообразно. Установлено, что категория «существенности» нередко используется не как объективный юридический критерий, а как средство обоснования уже принятого решения. Критерий характера затронутых прав и гарантий высвечивает правозащитную функцию института, но допускает пересечение групп, поскольку одно нарушение способно затрагивать несколько прав одновременно. Критерий источника правового регулирования отражает иерархию норм, но малопродуктивен, так как подавляющее большинство требований к получению доказательств закреплено в УПК РФ.

В качестве базового классификационного критерия обоснован элемент доказательственной деятельности, в котором локализован процессуальный

дефект. По данному критерию выделены четыре группы нарушений: требований к субъекту получения доказательства; требований к виду (процессуальному источнику) доказательства; требований к способу получения доказательства; требований к порядку производства следственных и иных процессуальных действий. Предложенная модель задаёт последовательность оценки: сначала устанавливается природа и структурная локализация дефекта, затем разрешается вопрос о его правовых последствиях. Дополнительные критерии при этом не отвергаются, но перемещаются на последующий уровень анализа.

Результаты анкетирования подтверждают практическую востребованность предложенного решения: 78,0% респондентов констатировали отсутствие либо непоследовательность критериев разграничения нарушений, влекущих недопустимость доказательств, и дефектов, не препятствующих их использованию; 70,0% опрошенных фактически применяют деление нарушений на «существенные» и «несущественные», причём 35,6% из них испытывают затруднения в определении критериев существенности; 84,0% респондентов признали четырёхэлементную классификацию методологически обоснованной.

В третьем параграфе «Сравнительно-правовой анализ нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств» предложенная классификационная модель подвергается внешней методологической проверке на материале правовых актов, различающихся принадлежностью к правовым семьям и способом закрепления правил исключения доказательств.

Американская модель (*exclusionary rule*) исследована через прецедентную практику Верховного Суда США: *Weeks v. United States* (1914), *Mapp v. Ohio* (1961), *Silverthorne Lumber Co. v. United States* (1920), *United States v. Leon* (1984). Показана эволюция целевого обоснования правила исключения – от доктрины судебной честности (*judicial integrity*) к утилитаристской логике превенции (*deterrence rationale*), а также действие доктрины «плодов отравленного дерева» и исключения добросовестного заблуждения. Установлено, что субъектный элемент выражен в разграничении государственных агентов и частных лиц, тогда как требования к виду доказательства формализованы существенно слабее, чем в УПК РФ, ввиду отсутствия закрытого перечня источников в Федеральных правилах о доказательствах.

Германская модель раскрыта через доктрину *Beweisverbote* с разграничением запретов получения доказательств (*Beweiserhebungsverbote*), включая абсолютный запрет § 136a StPO, и запретов их использования (*Beweisverwertungsverbote*). Установлено, что германское право не исходит из автоматического исключения незаконно полученного доказательства: вопрос разрешается методом взвешивания интересов (*Abwägungslehre*) с учётом характера нарушенной нормы, тяжести нарушения, значения затронутого права и интереса установления материальной истины. В этом состоит принципиальное отличие от буквального прочтения ч. 1 ст. 75 УПК РФ.

Французская модель проанализирована через доктрину процессуальных недействительностей (*nullités de procédure*) с разграничением абсолютных и относительных недействительностей, а также через критерий причинения

ущерба стороне (*grief*), закреплённый в ст. 171 Уголовно-процессуального кодекса Франции, при действии принципа свободы доказательств.

Исследованы уголовно-процессуальные кодексы Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Азербайджана, Армении, Грузии, Украины, Молдовы и Беларуси. Установлено, что перечисленные кодексы не воспроизводят четырёхэлементную классификацию в готовом виде, однако содержащиеся в них нормы позволяют выделить требования к субъекту, процессуальному источнику, способу и порядку получения доказательственной информации. Это подтверждает эвристическую ценность классификации как инструмента сравнительно-правового анализа, а не как непосредственно закреплённой нормативной конструкции.

Выявлены три вектора дифференциации зарубежного регулирования: степень формализации требований к доказательственной деятельности, целевое обоснование правил исключения и характер правовых последствий нарушений. По итогам компаративистского анализа обосновано предложение о закреплении в ст. 75 УПК РФ требования научной обоснованности способов получения доказательств, известного УПК Казахстана, Таджикистана, Туркменистана, Азербайджана и Армении. Его правовое значение состоит в создании нормативного фильтра для новых или научно спорных технологий – полиграфа, методик нейровизуализации, отдельных психологических техник допроса.

Вторая глава «Виды нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств» объединяет четыре параграфа и конкретизирует обоснованную классификационную модель применительно к каждому элементу доказательственной деятельности.

В первом параграфе «Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с субъектами получения доказательств» реконструировано понятие надлежащего субъекта, отсутствующее в УПК РФ в виде легальной дефиниции. Оно выведено из системного анализа норм о полномочиях следователя, дознавателя, органа дознания и суда, правил принятия дела к производству, подследственности и подсудности, отвода и судебного санкционирования отдельных действий. Надлежащий субъект характеризуется совокупностью четырёх критериев: наличием процессуального статуса, допускающего участие в собирании доказательств; надлежащей процессуальной связью с конкретным уголовным делом; отсутствием обстоятельств, исключающих участие; правомочностью на совершение конкретного процессуального действия.

Соответственно выделены четыре типа субъектных дефектов. Первый охватывает получение доказательств лицом, не обладающим необходимым процессуальным статусом: самостоятельное производство следственных действий оперативными сотрудниками, должностными лицами органов, не входящих в перечень ст. 151 УПК РФ, помощниками и стажёрами, а также лицами, утратившими либо приостановившими полномочия. Показано, что данная логика распространяется и на суд как субъекта доказывания, включая запрет повторного участия судьи и недопустимость фактического делегирования судебных полномочий работникам аппарата суда. Второй тип связан с отсутствием надлежащей процессуальной связи с конкретным делом; обосновано, что нарушение правил подследственности не влечёт безусловной

недопустимости, поскольку УПК РФ допускает производство неотложных следственных действий, а изменение квалификации не аннулирует ранее полученные доказательства. Решающим признано наличие законного основания участвовать в получении доказательства по конкретному обвинению. Третий тип охватывает получение доказательств лицом, подлежащим отводу; обосновано требование связи основания отвода с конкретной доказательственной деятельностью и разграничены момент возникновения такого обстоятельства, момент его выявления и момент процессуального разрешения. Четвёртый тип объединяет выход субъекта за пределы функциональной компетенции, включая производство следственных действий, требующих судебного решения, без его получения.

По оценкам респондентов субъектные нарушения относительно менее распространены (49,6% охарактеризовали их как редкие), однако наиболее часто фиксируемым дефектом данной группы названо производство следственных действий при отсутствии возбуждённого уголовного дела (48,0%), а также неопределённость процессуального статуса участников (36,8%).

Во втором параграфе «Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с видами доказательств» исследованы дефекты процессуального источника доказательственной информации. Обосновано разграничение вида доказательства и процессуальной формы доказательства в целом: вид указывает на процессуальный источник сведений, тогда как форма охватывает также субъекта, способ, порядок производства действия и правила фиксации.

Понятие надлежащего вида доказательства раскрыто через три критерия: использование источника, прямо предусмотренного ч. 2 ст. 74 УПК РФ; соответствие источника его нормативной модели, закреплённой в специальных нормах Кодекса; функциональную пригодность источника для представления соответствующей доказательственной информации.

Нарушения данной группы разделены на два типа. Первый образует использование ненадлежащих источников – сведений, обладающих проверочным, ориентирующим или организационным значением, но предъявляемых в качестве доказательств: постановления о возбуждении уголовного дела и рапорта об обнаружении признаков преступления, материалов оперативно-розыскной деятельности без их процессуального введения, актов ведомственных проверок и ревизий, результатов частной детективной деятельности. Второй тип составляет деформация надлежащих источников, когда предусмотренный УПК РФ вид доказательства используется с нарушением его нормативной модели: допрос лица в ненадлежащем процессуальном качестве, показания с чужих слов при невозможности указать источник осведомлённости, подмена заключения эксперта заключением специалиста или ведомственным актом, придание статуса иного документа материалам, выполняющим иную процессуальную функцию.

Обоснован критерий разграничения нарушений вида доказательства и нарушений способа либо порядка его получения – локализация дефекта: если дефект относится к источнику сведений и его нормативной модели, речь идёт о виде доказательства; если источник избран правильно, но нарушены правила производства действия либо фиксации его результатов, речь идёт о способе или порядке. Практическое значение критерия состоит в том, что он позволяет

определить, подлежит ли информация окончательному исключению либо может быть повторно введена в процесс через надлежащий источник.

Отдельно рассмотрена проблема электронной (цифровой) формы документа. Обосновано, что такая форма не образует самостоятельного вида доказательства, но требует специальных условий сохранения модели иного документа – подтверждения аутентичности, целостности и неизменности содержания. Метаданные и технические средства фиксации источника, времени создания и истории изменений выступают средствами проверки этих условий. Данные анкетирования подтверждают остроту проблемы: использование непроцессуальных материалов названо наиболее сложным вопросом правоприменения (57,6%), процессуальная квалификация электронных документов и цифровых следов – 49,6%.

В третьем параграфе «Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные со способами получения доказательств» проведено разграничение категорий способа и порядка получения доказательств. Способ отвечает на вопрос, каким предусмотренным УПК РФ действием сведения извлечены и закреплены, и характеризует выбор познавательного инструмента; порядок охватывает правила реализации уже избранного действия. Разграничение опирается на системный анализ ст. 86 УПК РФ, фиксирующей уровень способов, и норм глав 24-27 УПК РФ, регламентирующих порядок производства конкретных действий.

Понятие надлежащего способа получения доказательства раскрыто через четыре кумулятивных критерия: предусмотренность способа УПК РФ; отсутствие принадлежности к числу запрещённых методов; применимость способа к конкретному виду доказательства; использование способа в пределах его функциональной компетенции.

Соответственно выделены четыре группы нарушений. Первую образует использование непредусмотренных законом способов: прямое использование результатов оперативно-розыскной деятельности без процессуального оформления, применение материалов ведомственных проверок и внепроцессуальных исследований, конструирование «нетипичных следственных действий» путём комбинирования элементов различных процессуальных действий, использование технических средств фиксации без последующего включения полученных сведений в процессуальную форму. Вторая группа охватывает применение запрещённых методов – физического воздействия, психологического принуждения, угроз, а также недобросовестного обмана, лишаящего участника возможности свободно и осознанно реализовать свои права. Третья группа обнаруживает корреляцию между системой процессуальных источников и системой способов их формирования: применение действия для получения информации, которая по своей природе не может быть получена данным способом. Четвёртая группа связана с использованием процессуального действия за пределами его познавательного назначения – производство обыска вместо выемки при отсутствии оснований для принудительного отыскания объектов, использование очной ставки для психологического давления, назначение экспертизы для разрешения правовых вопросов, подмена следственного

действия оперативно-розыскным мероприятием и обратная легализация результатов оперативно-розыскной деятельности.

Обосновано, что все четыре группы образуют основание для исключения доказательства, когда нарушение устраняет легальный процессуальный канал получения сведений, препятствует проверке источника информации либо затрагивает конституционные гарантии участников процесса. Результаты анкетирования показывают, что наиболее распространённым дефектом данной группы респонденты признали нарушение требований ст. 89 УПК РФ при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности (49,6%); характерен разрыв в восприятии применения недозволенных методов: на них указали 52,9% адвокатов и 5,6% следователей.

В четвёртом параграфе «Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с порядком получения доказательств» порядок определён как нормативно установленная процедура производства конкретного следственного, судебного или иного процессуального действия, охватывающая требования к основаниям и условиям его производства, составу участников и их процессуальным правам, последовательности и содержанию процессуальных операций, а также к оформлению и фиксации хода и результатов действия.

В соответствии с этими элементами выделены четыре группы нарушений. Первая связана с несоблюдением требований к основаниям и условиям производства действия и создаёт темпоральный дефект: момент принятия решения о производстве действия уже прошёл, вследствие чего создать надлежащие основания *post factum* невозможно. Сюда отнесены производство обыска без достаточных фактических данных, нарушение судебного порядка санкционирования, производство следственных действий в ночное время без мотивированной неотложности, несоблюдение требований ч. 4 ст. 179 и ч. 3 ст. 184 УПК РФ. Вторая группа охватывает нарушения требований к составу участников и их процессуальным правам и создаёт конститутивный дефект: непривлечение защитника в случаях обязательного участия, законного представителя, педагога или психолога, понятых, участие заинтересованных лиц, а также неразъяснение прав и лишение возможности их реализовать. Третья группа связана с нарушением последовательности и содержания процессуальных операций и создаёт процедурный дефект, необратимо искажающий познавательную процедуру. Четвёртая группа объединяет нарушения требований к процессуальному оформлению и фиксации хода и результатов действия.

Центральным теоретическим результатом параграфа является обоснование критерия восполнимости либо невосполнимости процессуального дефекта как более определённой альтернативы оценочной категории «существенности». Нарушения первых трёх групп, как правило, невосполнимы, поскольку соответствующие гарантии должны быть реализованы в момент производства действия. Четвёртая группа неоднородна: невосполнимыми признаются нарушения, лишаящие суд и стороны возможности установить, как было произведено действие, соблюдались ли процессуальные требования и каковы его результаты; восполнимыми – нарушения, последствия которых могут быть устранены посредством дополнительных процессуальных действий без ограничения прав участников

и без искажения доказательственной информации. Соответственно предложено содержательное наполнение категории существенности применительно к восполнимым дефектам фиксации: существенным признаётся восполнимое нарушение, фактически не восполненное в ходе производства по уголовному делу; несущественным – восполнимое нарушение, последствия которого устранены.

Эмпирические данные подтверждают практическую значимость данной группы нарушений: дефекты протоколирования следственных действий названы наиболее распространёнными процедурными нарушениями (58,4%), нарушения требований к участию понятых – 44,8%, отсутствие или ненадлежащее оформление судебного решения – 43,2%; при этом на несоблюдение требований к участию защитника указали 67,6% опрошенных адвокатов.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются теоретические выводы и предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, определяются перспективные направления дальнейшей научной разработки проблематики.

В **приложениях** представлены: Приложение № 1 – проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»; Приложение № 2 – анкета для опроса практических работников; Приложение № 3 – сводные результаты анкетирования практических работников по теме диссертационного исследования.

**Основные положения диссертационного исследования
опубликованы в следующих научных работах автора
(общим объемом – 5,1 п.л., авторский вклад – 5,1 п.л.):**

Статьи в рецензируемых изданиях, содержащихся в перечне Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Папикян А.П. Нарушения уголовно-процессуального закона, влекущие исключение недопустимых доказательств // Теория и практика общественного развития. 2022. № 8 (174). С. 92-95 (0,3 п.л.).
2. Папикян А.П. Нарушения уголовно-процессуального кодекса, связанные с процессом доказывания в правоприменительной практике // Теория и практика общественного развития. 2023. № 6 (182). С. 290-294 (0,4 п.л.).
3. Папикян А.П. Использование недопустимых доказательств в условиях цифровых технологий: правовые и этические аспекты // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 210-213 (0,3 п.л.).
4. Папикян А.П. Эволюция законодательства об исключении недопустимых доказательств: исторический аспект // Закон и право. 2024. № 7. С. 188-191 (0,3 п.л.).
5. Папикян А.П. Концептуальные основы нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств // Закон и право. 2025. № 12. С. 232-237 (0,4 п.л.).

6. Папикян А.П. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные со способами получения доказательств // Закон и право. 2026. № 3. С. 224-228 (0,4 п.л.).

7. Папикян А.П. Нарушения уголовно-процессуальной формы, влекущие недопустимость доказательств: сравнительно-правовой анализ англосаксонской и континентальной моделей // Государственная служба и кадры. 2026. № 1. С. 76-81 (0,4 п.л.).

8. Папикян А.П. Доктринальные подходы к классификации нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих недопустимость доказательств // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 386-390 (0,4 п.л.).

Статьи, опубликованные в иных изданиях:

9. Папикян А.П. Классификация нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств // Уголовный процесс и прокурорский надзор: национальные стратегии, практики, инновации: материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар, 3 апреля 2026 г.): в 2 ч. / отв. ред. В.А. Семенцов. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2026. Ч. 2. С. 18-24 (0,5 п.л.).

10. Папикян А.П. Функциональный анализ нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих исключение недопустимых доказательств // Комплексные проблемы науки и методы их решения: сборник статей V Международной научной конференции (Кингисепп, апрель 2026 г.). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2026. С. 79-85 (0,5 п.л.).

11. Папикян А.П. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с субъектами получения доказательств: критерии и классификация // Исследования и практика в социально-экономической и гуманитарной сфере: сборник статей XLVI Международной научной конференции (Санкт-Петербург, март 2026 г.). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2026. С. 94-102 (0,7 п.л.).

12. Папикян А.П. Нарушения уголовно-процессуального закона, связанные с видами доказательств // Научные исследования в современном мире. Теория и практика: сборник статей LIII Всероссийской (национальной) научной конференции (Санкт-Петербург, май 2026 г.). СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», 2026. С. 112-118 (0,5 п.л.).

П а п и к я н Андраник Паруйрович

**НАРУШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА,
ВЛЕКУЩИЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ НЕДОПУСТИМЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Подписано в печать 12.10.2026. Формат 60X84 1/16
Печать цифровая. Объем 1,5 п.л. Тираж 150 экз. Заказ № _____

Тираж отпечатан с оригинал-макета заказчика
в типографии ООО «Просвещение-Юг»
350080, г. Краснодар, ул. Бородинская, 160/5